

ГАЗИЗОВА АННА ЕГОРОВНА

Газизова (Баскакова) Анна Егоровна родилась в 1925 году в с. Беляево Усманского р-на Воронежской области в бедной крестьянской семье. Четверо детей. Старший брат жил отдельно в Таганроге. Приехав в отпуск к родителям в 1939 году, забрал с собой меня.

В Таганроге я поступила в ремесленное училище. Училась на слесаря. Училище не окончила. Началась война. 17 октября 1941 года немцы оккупировали Таганрог... Полуразрушенный город замер.

Ни света, ни воды, ни продуктов. Отступая, склады с продуктами питания, частично вывезли, а

большую часть сожгли. Брат в первые же дни войны ушёл на фронт. Вскоре погиб. Его жена осталась с двумя малолетними детьми. Их надо было ежедневно кормить. Мне пришлось постоянно искать, чем нам кормиться.

Большие склады с горелой пшеницей были засыпаны золой, углём и разным хламом. После дождей обгорелая пшеница набухла от воды, получилось что-то, подобное каше. Немцы не давали брать ее. Тайком мы раскапывали и кормились этим грязным месивом. Пришёл черёд ходить по деревням и менять на хлеб, картошку вещи. И так жили до 1942 года, когда немцы схватили меня в д. Петровка и увезли в комендатуру. Я же ходила по деревням в чёрной шинели ремесленного училища. Два дня разбирались, кто я – солдат или партизан. И таких побирушек они насобирали человек 500. Из Таганрога пешком погнали в Мариуполь. По дороге на ночь загоняли в колхозные коровники и охраняли, чтобы не сбежали. В Мариуполе стоял эшелон, загруженный людьми. Двери откры-

вали, добавляли нами эти вагоны и снова закрывали.

Повезли. Куда везут, не знаем. Остановливались редко. В Польше высадили и прогнали всех через санпропускник (баню). Немцы страшно боялись насекомых. Прожарили одежду. Оделись. Повезли нас дальше.

Высадили в Западной Германии в г. Людвигшафен. Там, за ключей проволокой был распределительный межнациональный лагерь.

На принудительных работах я работала с июня 1942 года по декабрь 1942 года. Водили нас под конвоем к местам работ, охраняли, чтобы не сбежали.

Там работали военнопленные разных национальностей, строили дома, похожие на наши бараки, а мы, женщины, на носилках подносили кирпичи, красили лаги кузбаслаком, выносили кирпичи после формировки на просушку и после просушки на обжиг к печам. В декабре бараки построили, и нас перевезли в город Гослох там же в Западной Германии. Здесь нас ждала настоящая каторга. Работали на фабрике металлоизделий Форстнера.

На фабрике работали рабочие немцы и наши военнопленные. Изготавливали из чёрного листового железа самое разное оборудование и тару: вёдра, бочки, пульверизаторы, трубопроводы и тому подобное.

Изготовленные изделия опу-

скали в кислоту, после чего длинными щипцами длиной полтора метра вытаскивали их и отпускали в печь с расплавленным цинком. После оцинковки изделия из печи вытаскивали и спускали в большую ёмкость с горячей водой и мылом. После такой промывки их вытаскивали для просушки.

Возле печей дышать просто было нечем. Вентиляции никакой не было. Жара, загазованность страшная. Спасала нас видно только наша молодость. Мне было уже 17 лет. Сбежать, уйти от печей было нельзя. Хозяин и его приспешники постоянно следили за нами, при любом нарушении установленного «порядка» лишали обеда.

Самые тяжёлые работы выполняли русские женщины. Нас русских женщин, на оцинковке металлоизделий было шесть. Я сейчас помню их фамилии и имена. Вот они: Вербич Паша из Киева, Бабич Валя из Полтавы, Максютенко Мария и Тоня – сестры из Донбасса, Кучма Тамара и я, Баскакова Анна из Таганрога. Одевались в тёмную робу, на груди пришита тряпка со словом «ОСТ», т.е. «Восток». Все оцинкованные изделия, после просушки мы грузили на телегу. На телеге стоял высокий короб высотой до 3 метров, оплетённый проволокой.

Загружали его, стоя на лестницах, на всю высоту и тянули телегу своими силами за лямки на ж.д. станцию, где перегружали метал-

произведения в вагон.

За такую каторжную работу нас три раза кормили. На завтрак – кусок хлеба, 100 граммов каждому, и на стол чайник с горячей водой. В обед – картошка в мундирах или суп из брюквы со шпинатом. К картошке иногда квашеную капусту давали. Чайник с кипяченой водой, такой же кусочек хлеба 100 граммов и суп с брюквой на ужин.

Одна из девушек сбежала с работы, пошла в полицию жаловаться, что нас плохо кормят. Вернулась в зону с полицейским. Девушка вскоре пропала, и больше мы ее не видели. Кормить стали еще хуже.

Так мы работали на этой фабрике до конца войны. Освободили нас американцы. Французы и поляки быстро покинули Германию. Русских и украинских девушек долго никуда не отправляли. Наконец подали эшелон, и нас повезли вроде на Родину. Но вскоре остановились на ст. города Герлиц. Здесь мы проходили проверку на комиссии, после чего работали на уборке урожая. Ведь немцы покинули город и окрестности. Здесь я встретилась с командиром воинской части Газизовым Михаилом Борисовичем, который со своими солдатами также занимался заготовкой овощей.

В конце октября выехали на Украину. Остановились на ст. Славута Каменец – Подольской области. Там меня зачислили на работу

в воинскую часть – в 1239 стрелковый полк 373 стрелковой дивизии. Служила вольнонаёмной на учёте отправляемых русских людей в Советский Союз. Получила и для себя документы на возвращение по месту рождения с. Беляево Усманского района Воронежской области. Жили с Михаилом Борисовичем вместе. В 1946 году в марте месяце Михаила Борисовича демобилизовали, он сдал свои дела по месту службы, и мы уехали к нему на Родину в Новосибирскую область, где официально расписались как муж и жена.

Но в стране была страшная разруха, карточная система, безработица. Вернулись на мою родину в Воронежскую область, оттуда в Таганрог. Везде картина была такая же. В конечном итоге мы завербовались на работу в Приморский край на Дальний Восток. Приехали во Владивосток, а оттуда в 1953 году в Находку, где стали работать в Находкинском морском рыбном порту.

Он стал грузчиком в порту, а я – штукатуром-маляром и воспитывать своих детей.

Газизова А.Е.
Август 2006 г.